

У блокадного Ленинграда была своя богиня Сострадания и Надежды, и она разговаривала с блокадником стихами. Стихами Ольги Берггольц.

«А ее стихи часто просто, просто вот так они настолько запоминались, настолько как-то ритмично укладывались в голову... Ну вот идешь и так, шагая, бормочешь эти стихи ее... „Пусть так стоит всегда зарей покрытый...“ Когда-то я знала это наизусть, и как-то это очень помогало, когда я лезла на вышку и когда приходилось стоять там под обстрелом на нашей крыше библиотечной» (Озерова Галина Александровна, ул. Седова, 124).

***

Многие на казарменном прожили всю блокаду, почти не выходя «в город». Все силы забирала работа, дежурства, восстановление разрушенных цехов. Мир съеживался, как сжимается человек на морозе, втягивает голову в плечи, уходит в себя. Так уходили в спасительное лоно своего предприятия, старались быть среди людей. На миру и смерть красна, миру со смертью тягаться легче.

Главный библиограф Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина Озерова Галина Александровна об этом так рассказывает:

«— Я думаю, что они умерли потому, что оставались в этой квартире одиночками. А мы — кто были на казарменном положении в первую, блокадную осень в Центральной библиотеке, — мы сохранились благодаря коллективу. Все-таки у кого было больше сил и сноровки, те занимались такими работами, как заготовка топлива, колка, пилка, как расчистка снега, как добывание воды. Заставляли людей — тех, которые укладывались и не хотели двигаться, — заставляли их двигаться и выходить на воздух. Ну, скажем, я на далекие концы города таскала на саночках дрова нашим сотрудникам, которые решили отсиживаться у себя на квартирах и уже не имели сил ходить в библиотеку. Они умерли.

— А вы таскали дрова им?

— Да.

— Ну вот, вы помните ваше появление в этих квартирах? Как это все выглядело?

— Это очень страшно: затемненные квартиры, замерзшие, совершенно жёлтые, опухшие люди.

— Встречи проходили молча?

— Да нет, мы говорили. Они интересовались, что делается у нас в библиотеке, кто жив, кто умер — вот самое главное; какие прогнозы относительно немцев, что, продвигаются они, не продвигаются... Но вот, главным образом, как живет и как работает библиотека и кто из товарищей жив и кто как себя ведет, как держит себя, — вот такие разговоры были, главным образом».

***

Чем голоднее становилось, тем труднее было работать, но тем нужнее была работа и для фронта и для города, да и для самого ленинградца. Работа помогала держаться. И за работу держались. В этом вымороженном, безлюдном, обессиленном до предела городе продолжалась деятельность большинства учреждений. Почтальоны разносили письма, типографии печатали карточки, газеты, листовки, работали райисполкомы, детские сады, поликлиники, теплилась жизнь в архивах, в Публичной библиотеке, в симфоническом оркестре. Работа заглушала непрерывные, доводящие до безумия мысли о еде. Через работу люди приобщались к жизни страны, от которой они были отрезаны.

***

В трудовых коллективах, устойчивых, коренных, таких, допустим, как Кировский завод, Публичная библиотека, Металлический завод, милиция — там тоже репутация блокадных лет является как бы гарантией порядочности.

***

Особую историю рассказала нам Мария Васильевна Машкова. Ей было поручено в 1941 году эвакуировать детей сотрудников Публичной

библиотеки, однако дорогу перерезали, и вскоре ей пришлось вернуться с детьми в Ленинград.

«...В числе детей, с которыми я уезжала, был мальчик нашей сотрудницы — Игорь, очаровательный мальчик, красавец. Мать его очень нежно, со страшной любовью опекала. Еще в первой эвакуации говорила: „Мария Васильевна, вы тоже давайте своим деткам козье молоко. Я Игорю беру козье молоко“. А мои дети помещались даже в другом бараке, и я им старалась ничего не уделять, ни грамма сверх положенного. А потом этот Игорь потерял карточки. И вот уже в апреле месяце я иду как-то мимо Елисеевского магазина (тут уже стали на солнышко выползать дистрофики) и вижу — сидит мальчик, страшный, отечный скелетик. „Игорь? Что с тобой?“ — говорю. „Мария Васильевна, мама меня выгнала. Мама мне сказала, что она мне больше ни куска хлеба не даст“. — „Как же так? Не может этого быть!“ Он был в тяжелом состоянии. Мы еле взобрались с ним на мой пятый этаж, я его еле втащила. Мои дети к этому времени уже ходили в детский сад и еще держались. Он был так страшен, так жалок! И все время говорил: „Я маму не осуждаю. Она поступает правильно. Это я виноват, это я потерял свою карточку“. — „Я тебя, говорю, устрою в школу“ (которая должна была открыться). А мой сын шепчет: „Мама, дай ему то, что я принес из детского сада“. Я накормила его и пошла с ним на улицу Чехова. Входим. В комнате страшная грязь. Лежит эта дистрофированная, всклокоченная женщина. Увидев сына, она сразу закричала: „Игорь, я тебе не дам ни куска хлеба. Уходи вон!“ В комнате смрад, грязь, темнота. Я говорю: „Что вы делаете?! Ведь осталось всего каких-нибудь три-четыре дня, — он пойдет в школу, поправится“. — „Ничего! Вот вы стоите на ногах, а я не стою. Ничего ему не дам! Я лежу, я голодная...“ Вот такое превращение из нежной матери в такого зверя! Но Игорь не ушел. Он остался у нее, а потом я узнала, что он умер.

Через несколько лет я встретила ее. Она была цветущей, уже здоровой. Она увидела меня, бросилась ко мне, закричала: «Что я наделала!» Я ей

сказала: «Ну что же теперь говорить об этом!» — «Нет, я больше не могу Все мысли о нем». Через некоторое время она покончила с собой».

***

И вот еще такой случай с моей подругой детства, которая жила в нашем доме. Она покончила жизнь самоубийством.

— Не выдержала?

— Она сама пошла в Публичную библиотеку, прочла-там какие-то книжки, составила яд. Не буду называть ее фамилию. Она дочь когда-то известного ученого (он умер до войны). Почему она это сделала? Потому что осталась с матерью. А у них был кот большой. И мать съела кота собственного, которого они обожали, любили его, до войны все было для него. Вы знаете, как иногда животные становятся такими маленькими божками семье!

Когда она увидела, что ее мать съела кота, она подумала, что уже все кончено, в жизни все кончено, что принципы, которые раньше были, какие-то нормы у них в семье, они рухнули, и даже сама любимая мать это сделала, самый близкий ей человек. Вот такие вещи были. Она тоже была доведена до дистрофии, но вот силы, моральные устои у нее все же оказались сильнее, чем у матери. Очевидно, она понимала, что это уже деградация внутренняя идет, идет все дальше, дальше и дальше. В общем, для нее была трагедия увидеть мать в этом свете.

— А мать знала, почему она покончила с собой?

— Я не знаю, но думаю, что мать, несмотря на то она оплакивала свою дочку, все же до конца этого понимала. У некоторых людей совершался маразм почве дистрофии, если у них были какие-то предпосылки как я говорю, в худшую сторону от природы. Вот тут эта дистрофия и на почве дистрофии другое, будем его условно называть — маразмом. Я думаю, что мать не понимала. Ее вот дочь точно понимала. Я с ней виделась уже после того, как мать съела кота. Она мне это рассказывала ужасом: «Ты

понимаешь! Мать съела кота, Максима съела! Содрала кожу и съела, и все собственными руками! И предлагала мне!!!»

И по тому, как она мне это рассказала, для меня было ясно, что это тупик был».

***

В июле 1942 года Л. М. Филиппова получила самый для нее дорогой подарок — пакет лебеды. В то время это был драгоценный дар, но тут важно и что предшествовало этому подарку. Любовь Михайловна до сих пор волнуется, стоит коснуться того случая. А дело обстояло так.

Зимой пришло к ней письмо с фронта от ее товарища по горькому комсомолу И. К. Ковбаса. Он спрашивал, чем можно помочь его жене и дочери. Л. М. Филиппова сама получала 200 граммов хлеба, что она могла? Но она была женщиной огромной энергии и собранности, недаром все эти годы она руководила парторганизацией Государственной Публичной библиотеки.

...«— Думаю, пойду я к Попкову, председателю горисполкома, пойду к Петру Сергеевичу. С чем пойду? Использую свой депутатский билет. Ведь не для себя, для помощи. И действительно, написали записочку на Тамбовский холодильник: двести граммов сухарей, плиточка шоколада, сушеная картошка, какая-то крупа. Я к Попкову в Смольный рано утром пришла, оттуда на Тамбовскую. Я такая была счастливая, что столько получила! Только бы мне застать родных Ковбаса живыми. (Илья Кириллович был комиссаром какой-то бригады.) Дошла и до Невы. Уже вечер. А чтобы сократить расстояние, не через мост пошла, а по Неве, там к Александровскому саду была дорожка. Вьюга страшная! И вот вы знаете, это самый страшный момент в моей жизни. У меня пакет, там шоколад, я иду через Неву и уже падаю. Как бы не съесть! Этого чувства я вам передать не могу никакими словами. Страшный случай. У меня там шоколад и сухая картошка, а я должна донести. Понимаете? Иду через Неву. Вьюга задувает, думаю, мне уже не дойти. Как я тогда с ума не сошла, не знаю. И все-таки я

иду, иду, иду. Вот улица Ленина. Нашла этот самый дом. Поднялась на третий этаж. Ищу комнату, где они жили (это была коммунальная квартира). Вхожу. Мне стало легче, что я донесла.

— Борьба с собой была для вас труднее, чем с вьюгой?

— Этого не передать. Это было страшно. Когда я переступила порог этой комнаты, мне стало легче, что я донесла. Я такая же голодная, такая же больная, я не могу двигаться, но уже счастливая. Думаю — были бы только живы! Вижу — с одной стороны кровать, с другой стороны кровать. Спрашиваю: «Ксения Петровна? Люся?» В ответ слабый голос Ксении Петровны и более сильный девочки. «Я вам от отца принесла привет!» Ну, знаете, что тут было! Мало того что счастье преодоления! Я какой-то стул очередной, какие-то книги оставшиеся вытащила, растопила «буржуйку», поставила кипятилок. Они, конечно, поднялись. Мы сели около этой «буржуйки». Они меня угощали, и я, уже не стесняясь, поела, потому что я иначе с улицы Ленина до Публичной библиотеки не дошла бы. Это был очень счастливый случай. К счастью, они обе выжили. Потом мне удалось их отправить на Большую землю, эвакуировать, тоже через горком партии. И вот — самый дорогой подарок, который я получила в блокаду. Я прихожу домой, лежит большой-большой пакет — Любви Михайловне Филипповой. Я уточняю: это когда они встали и окрепли, весной. Я их после отправила. Они тот паечек разделили и обе выжили. И жили уже на Крестовском острове, были на своих ногах, собрали там лебеду и весной сорок второго года вот такой большой пакет принесли мне и трогательное письмо. Из этой лебеды мы наделали таких котлет! Такой у нас был пир! Ведь они уже умирали обе — девочка и Ксения Петровна. И тот паек, который я принесла и они постепенно ели, их все-таки спас, я так считаю. Еще помню какие-то одуванчики, которые мы тоже ели. Но главное — лебеда. Одуванчики — в салат, а из лебеды очень хорошие можно было сделать котлеты. Это был роскошный подарок!»

***

Но вот перед нами записки человека стреляющего, находящегося под огнем — артиллериста Сергея Герасимовича Миляева, бывшего сотрудника Государственной Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Через два года он погибнет под Витебском, а пока своей батареей помогает удерживать Ленинград. У него свой «малый радиус обзора», но это уже и радиус обстрела — он солдат. И тоже ленинградец, тоже интеллигент, и мучают его почти те же вопросы, что и Князева:

«Закончил чтение „Красного и черного“, перечитывал с большим удовольствием. А сейчас читать нечего. Конечно, скучно. Ведь сидишь в обороне. Т. к. делать нечего, то выпишем весьма известное, важнейшее место из „Развития социализма от утопии к науке“. Энгельс: „...и это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы“. Поскольку мне жить еще немного (даже если останусь после этой войны), то умру я все же в переходный период, и поэтому большая часть времени уйдет опять-таки на индивидуальную борьбу за существование, выражаясь языком Энгельса. Как много прекрасных дней потеряно в этой борьбе!»

Ленинградец-артиллерист Миляев прочел отрывок из популярного в те дни произведения и тут же записывает:

«Мне показалось по отрывку, что автор провозглашает тезис „классовой крови“ (и отпрыски врага останутся врагами). Чем это лучше тезиса об „арийской крови“?..».

Не в том суть, правильно или неправильно прочел вещь Сергей Герасимович Миляев. Важно другое — живущая и в нем и в Князеве настороженность к любому самому малому сползанию на позиции шовинизма, которым и без того был отравлен мир.

***

Тот немецкий офицер, который навестившую его невесту «угостил Петербургом» — несколькими орудийными выстрелами, сделанными любопытной и боязливой ручкой патриотки фройляйн (факт, записанный Ольгой Берггольц), — и бывший работник Публичной библиотеки

артиллерист Сергей Миляев, у которого в этом «Петербурге» умирающие от голода дети, — оба офицеры-артиллеристы, но один на стороне бесчеловечности, второй — защитник человека и человеческой культуры во второй мировой войне.

Люди, которые изыскивали, изобретали пищу и витамины из бог знает каких заменителей, люди, добывавшие топливо, тепло, оберегавшие детские жизни, культурные и научные ценности, — их вклад в героическое противостояние Ленинграда фашизму, может быть, был не столь очевидным, как залпы Кронштадта. Но это тоже было противостояние, и не менее важное для исхода борьбы на северном фланге бескрайнего фронта.

Работник Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина «неисправимый интеллигент» С. Г. Миляев стал опытным артиллеристом; профессор лесотехнической академии В. И. Шарков создает пищевые дрожжи и прочие заменители, спасшие жизнь тысячам людей; рядовой техник Б. И. Шелищ, понуждаемый самой обстановкой (не стало бензина, электроэнергии), изобретает «водородный двигатель» из подручных материалов, с помощью которого поднимались и опускались аэростаты заграждения.

***

От блокады книга сильно страдала. Ее жгли пожары, она гибла при бомбежке, ею, наконец, топили буржуйки, плиты, ею разжигали, ею обогревались, и за это невозможно осуждать людей. Но книгу и защищали, ее спасали. Есть замечательные рассказы работников Публичной библиотеки, которые в самое голодное, отчаянное время перетаскивали в хранилища частные библиотеки умерших собирателей, ученых, библиофилов, те собрания, которые остались бесхозными, спасали книги из разбомбленных домов. Тащили их на санках, на тележках, на себе через весь город в книгохранилища Публички. Никто не заставлял их, не было на то указаний, ничем эта работа не поощрялась. Они любили книгу, они служили книге,

поэтому они ее спасали. Но это профессионалы-книжники. А были просто ленинградцы, питерцы, потомственные питерские интеллигенты.

***

Мария Васильевна Машкова, работник Публичной библиотеки, в блокаду тоже спасала книги. Вместе с другими сотрудниками тащила на себе, на санках, в мешках остатки разбомбленных книжных собраний. Они ходили по известным библиофилам, ученым — по тем адресам, которые знали или о которых сообщали родные, близкие, карабкались по этажам, собирали книги и везли в книгохранилище Публички. Потом уже им выделили машину, а в самые тяжкие месяцы эти медленнодвигающиеся от слабости женщины волочили через город тяжелые связки книг.

Адамович А. М., Гранин Д. А. Блокадная книга. Л.: Лениздат, 1984. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/16317/8/Granin%2C_Adamovich_-_Blokadnaya_kniga.html (дата обращения: 21.10.2015).